

К 100-летию Бориса Федоровича Поршнева

Олег Вите

«Я – СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК».
*Книга «О начале человеческой истории»
и ее место в творческой биографии
Б.Ф. Поршнева**

II. Кто осуществляет движение истории?

Всемирная история
«по Поршневу»

До сих пор речь шла о единстве всемирной истории «по Поршневу» преимущественно в синхроническом отношении. Но уже любая попытка сформулировать теоретическую концепцию единства человечества в истории, сформулировать «теорию исторического процесса» неизбежно выдвигает диахронический характер этого единства на передний план. С другой стороны, обоснование единства истории в синхроническом отношении делает сомнительным привычное изложение диахронии в рамках «истории одной страны» – во всяком случае, за длительный период: диахроническая логика исторического процесса безоговорочно применима лишь к синхронически единому человечеству в масштабе всей ойкумены.

Основные черты поршневской теории исторического процесса были изложены во второй половине 1960-х годов в нескольких опубликованных докладах – «Один из представителей американской школы социологии международных отношений – Раймон Арон» (1967), «Мыслима ли история одной страны?» (1969), «Периодизация всемирно-исторического прогресса у Гегеля и Маркса» (1969) и упомянутый выше доклад «Роль революций в смене формаций»**.

* Продолжение. Начало: Развитие личности. 2006. № 2. С. 196–215.

** Две первые из перечисленных работ затем почти без изменений вошли в качестве разделов в заключительную часть трилогии о Тридцатилетней войне.

От истории к политической экономии

Сформулированная в названных работах теория исторического процесса все же была обратным возвращением в историческую науку, хотя и таким возвращением, которое не вполне укладывалось в ее традиционные каноны. Напротив, первые шаги в теоретических обобщениях вели Б.Ф. Поршнева в противоположную сторону – от исторической науки как таковой к исследованиям в области политической экономии сменяющих друг друга общественных формаций, исследованиям механизмов и закономерностей их развития и смены, то есть к теории классовой борьбы. Еще в самом начале 30-х годов XX века в рамках развернувшейся тогда дискуссии о политической экономии докапиталистических обществ Б.Ф. Поршневым было подготовлено большое теоретическое исследование на стыке двух наук – политической экономии и истории: о роли торгового капитала в мировой докапиталистической истории (до сих пор не опубликовано) [1]. Занимался Б.Ф. Поршневым в это время и анализом первобытного общества: сохранились рукописные тезисы доклада «Противоречия доклассового общества» [2]. Судя по архивным материалам, много времени уделял Поршневым тогда и теоретическим проблемам феодализма [3]. Единственной публикацией, отразившей все эти политико-экономические исследования, стала небольшая критическая заметка «Рецидив абстрактного социологизирования» (1935)*.

«Мультидисциплинарный» интерес к «началу человеческой истории»

Интерес к «началу человеческой истории» неизбежно становился интересом к междисциплинарной или даже «мультидисциплинарной» проблематике. Уже историко-экономические исследования начала 1930-х годов обнаруживают важную «технологическую» особенность научной работы Поршнева, с которой он не расставался до конца своих дней: выступления с докладами перед специалистами смежных наук, привлечение их к обсуждению как обнаруженных на стыке наук проблем (не замечаемых «отраслевыми» специалистами), так и своих идей, гипотез, обобщений.

От эмпирии к теоретическим обобщениям

Здесь уместно сделать хронологическое сопоставление. Б.Ф. Поршневым хорошо знал идущие с 1920-х годов политико-экономические дискуссии и начал писать по проблемам политической экономии и теории общественных формаций едва ли не раньше, чем непосредственно обратился к истории Франции XVII века. Однако он, похоже, сознательно не спешил с публикацией этих своих теоретических работ. В такой осторожности, можно предположить, проявилось убеждение

* Это была рецензия на книгу В. Рейхардта [4].

Б.Ф. Поршнева в том, что без тщательного освоения конкретного эмпирического материала сформулированные предварительно теоретические конструкции должны оставаться не более, чем рабочими гипотезами, помогающими понять и систематизировать исторические факты. Такие предварительные рабочие гипотезы в силу своей недостаточной зрелости и обоснованности еще не пригодны для обращения на интеллектуальном рынке в качестве самостоятельного научного продукта.

Только в конце 1940-х годов (то есть после защиты докторской диссертации по истории) и уже опираясь на собственный опыт исторических исследований, на признанный авторитет историка, Б.Ф. Поршнева находит возможным довести свои теоретические обобщения до открытой публикации. И вот что важно отметить: исследования Б.Ф. Поршнева по политической экономии предшествуют его исследованиям по «теории классовой борьбы», тогда как в печать он отправляет свои работы по двум этим научным направлениям в обратной последовательности. Первыми публикуются работы о роли народных масс в истории, о роли классовой борьбы как движущей силы общественного развития – именно эти работы являются выводами и обобщениями, непосредственно вытекающими из его исторических исследований.

Идея
диахронического
единства истории

Наиболее пристальное внимание Б.Ф. Поршнева уделяет «срединной формации» – феодализму. Теоретическому анализу роли народных масс в жизни феодального общества были посвящены семь подготовленных во второй половине 1940-х годов статей, четыре из которых были опубликованы в «Известиях АН СССР» (1948–1950). В них, опираясь на собственные исторические исследования, Б.Ф. Поршнева впервые сформулировал важнейшие положения своей теории классовой борьбы, раскрывавшей тот источник энергии, который только и придавал идее диахронического единства истории фактическое обоснование. Поэтому, кстати сказать, Б.Ф. Поршневу так нравился афоризм Оскара Уайльда: *«Оскар Уайльд бросил парадокс: “Непокорность, с точки зрения всякого, кто знает историю, есть основная добродетель человека. Благодаря непокорности стал возможен прогресс, – благодаря непокорности и мятежу”. В этом афоризме сквозит истина, по крайней мере, для всякого, кто действительно знает историю. А ее знал уже Гегель и поэтому тоже говорил, что движение истории осуществля-*

ет ее «дурная сторона», «порочное начало» – неповиновение» [5].

Послевоенная
общественная
жизнь в СССР

Названные семь статей должны были составить книгу «Роль борьбы народных масс в истории феодального общества», которую он собирался опубликовать в начале 1950-х годов. Эти статьи (вернее, четыре из них, которые успели выйти в свет) и стали главным «вещественным доказательством» в кампании по осуждению/осуждению «ошибочных взглядов» Б.Ф. Поршнева. Сама кампания была типичной и даже не самой выдающейся для послевоенной общественной жизни в СССР, на особенностях которой следует остановиться подробнее.

Если считать первой (после окончания Гражданской войны) волной репрессий в стране политические процессы конца 1920-х годов, а второй – процессы середины 1930-х, то полосу событий, начавшуюся с Постановления ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» летом 1946 года и завершившуюся прерванной смертью И. Сталина в 1953 году «делом врачей», следует признать третьей волной репрессий. У этой третьей волны была важная особенность, отличавшая ее от процессов середины 1930-х годов: из великого множества составлявших ее кампаний «политической» была, строго говоря, лишь одна – «ленинградское дело» 1949–1950 годов. Да и в «ленинградском деле» бросается в глаза черта, которой не было в процессах 1930-х годов: серия судебных процессов по этому «делу» явилась прямым результатом соперничества в ближайшем окружении И.В. Сталина и победой одной из сторон – Г.М. Маленкова над А.А. Ждановым и его выдвигенцами. К процессам 1930-х годов имело отношение лишь соперничество И.В. Сталина с Л.Д. Троцким, так сказать, «в мировом масштабе»...

Напротив, все без исключения остальные кампании третьей волны репрессий затрагивали не политическую, а научную и культурную элиту общества – «советскую интеллигенцию». Хотя эти кампании неизменно имели и политический (то есть «полицейский») потенциал: ведь осуждение взглядов в рамках «творческой дискуссии» и «товарищеской критики» могло плавно, почти автоматически превратиться в осуждение юридическое, в судебный приговор. В эпоху перестройки, в первых открытых публикациях о советских репрессиях доминировала теоретическая схема, восходящая к «классовому подходу» М. Джиласа, воспринятому советскими диссидентами (книга М. Джиласа «Новый класс» распространялась в СССР

в машинописных копиях уже в 1960-е годы). Все советское общество делилось на две социальные группы – «новый класс», позже названный М. Восленским «номенклатурой», и «народ»; террор, репрессии в этой схеме оказывались главным инструментом «классовой борьбы» номенклатуры против народа. Такая схема подсказывала соблазнительное своей простотой объяснение террору советской эпохи, включая и третью волну: репрессии всегда являлись осуществлением задуманных лично И.В. Сталиным и/или «номенклатурой» планов, направленных на укрепление господства правящего класса.

Послевоенные
репрессии
культурной элиты

Более основательные, опирающиеся на архивные источники, исследования последнего десятилетия серьезно пошатнули доверие к схеме «классовой борьбы». Архивы обнаруживали удивительную вещь: едва ли не все дискуссии в рамках третьей волны репрессий начинались «по инициативе снизу», то есть представителями «угнетенного», а вовсе не «господствующего» класса! Фактически репрессивный аппарат оказывался сильнейшим инструментом (порой – слепым орудием) в конкурентной борьбе в научной и культурной элите. Но вопрос остается открытым: почему именно наука и культура после войны стали привлекательными для подобных «народных инициатив», сплошь да рядом оборачивающихся репрессиями?

Ответ на этот вопрос дает вторая фаза институционализации советского научного сообщества. Еще в 1942–1943 годы под впечатлением неудач на фронте «в войне моторов» И.В. Сталин приходит к выводу об исключительной важности увеличения вклада науки в обороноспособность страны и идет на резкое повышение уровня жизни университетских профессоров и высших кадров ученых: им были выданы особые литерные продуктовые карточки («литер А» и «литер Б») для отоваривания в специальных магазинах. Следующий, еще более важный шаг был сделан в 1946 году. Зарплата ученым поднята почти в три раза, введены серьезные надбавки к зарплате за защищенные кандидатские и, особенно, за докторские степени, существенно повышен гонорар за академические звания – академик стал получать больше, чем министр. Кроме собственно денежных выплат сопоставимо выросли и соответствующие натуральные льготы (объем «феодалных привилегий»). Скачок в уровне жизни «ученого сословия» был столь значителен, что, скажем, номинальные зарплаты в науке практически не менялись с тех пор вплоть до 1991 года. Впрочем, прецеденты были: хорошо известны удивление и нескры-

ваемая зависть западных ученых-физиологов масштабам государственного финансирования исследований И.П. Павлова...

Хотя названные решения принимались, главным образом, для исследований, содействующих укреплению обороноспособности (в 1946 году – для обеспечения успеха ядерной программы), резкое повышение уровня жизни коснулось ученых всех специальностей. Таким образом, второй этап формирования институциональной инфраструктуры советской науки привел к созданию научной и культурной элиты, по своему словесному положению стоящей на уровне элиты политической (партийно-государственной). Эти сталинские решения вспоминаются в наше время, большей частью, по контрасту с тяжелым положением современных российских ученых*.

Последние годы внимание историков начинает привлекать и обратная сторона повышения статуса «ученого сословия» в 1940-е годы. Надо принять во внимание, что советский «социалистический феодализм» отличался от средневекового феодализма одной фундаментальной особенностью – высочайшей социальной мобильностью**. Образно говоря, «советский абсолютизм» последовательно проводил в жизнь лозунг, немыслимый в нормальном феодальном обществе: «каждый крепостной может стать помещиком (дворянином, аристократом)***». Поэтому резко повысившее свой статус «ученое сословие» (да и вообще «культурная элита», «советская интеллигенция») сразу стало крайне притягательным для всех, активно ищущих себе место под солнцем. Партийно-государственная карьера утратила в этом отношении свою многолетнюю безальтернативность. Российский историк

* Для подобных сопоставлений есть основания: тот скачок в уровне жизни ученых действительно внес значительный вклад в успехи послевоенной советской науки.

** Было и второе фундаментальное отличие, специально проанализированное уже упоминавшимся М. Джиласом: «социалистический феодализм» был феодализмом промышленным, а не аграрным.

*** Такой курс стал давать серьезные сбои только при Л.И. Брежнев, и неуклонное нарастание этой новой тенденции и привело режим к крушению. А наиболее серьезный вклад в это крушение, к слову сказать, внесло как раз созданное И. Сталиным «ученое сословие», шире – советская интеллигенция, причем, в первую очередь, те ее отряды, ради которых, собственно, и старался И.В. Сталин – научно-техническая интеллигенция военно-промышленного комплекса...

Социальная
мобильность
«социалистического
феодализма»

А.Я. Гуревич пишет о ближайших последствиях мудрых сталинских решений: «В то время шутили: “год великого перелома” в истории нашей страны имел место дважды – в 1930-м году середняк пошел в колхоз, а теперь “середняк пошел в докторантуру”. Стало выгодно защитить докторскую диссертацию любой ценой, ибо это открывало возможность занять профессорское место, дававшее известные привилегии и регалии. Теперь не одно лишь научное призвание и способности двигали многими, но интересы вовсе чуждые науке. Высокие этические требования, которые, несмотря на все испытания предшествующих десятилетий, все еще поддерживались в научной среде, были разрушены» [6].

Разрушение этических норм в общественных науках

В наибольшей степени отмеченное А.Я. Гуревичем разрушение этических норм затронуло общественные науки. Ведь последние оказались особенно привлекательными для тех, кто уже сделал первые шаги в партийно-государственной карьере: минимум политграмоты, усвоенной на этих первых шагах, вооружал необыкновенно действенными аргументами для дискуссий именно в общественных науках, а не, скажем, в физике.

Открытие чрезвычайно привлекательного канала социальной мобильности и столкнуло гигантскую лавину «народных инициатив», способную смести на своем пути любые научные авторитеты, казавшиеся непререкаемыми и обеспеченными политической поддержкой, придать любой академической дискуссии невиданный накал, превратив ее в общественно-политическое событие всесоюзного масштаба. Исследования дискуссий конца 1940-х годов, широко привлекающие архивные источники, обнаруживают, что эта лавина буквально захлестывала аппарат ЦК ВКП (б), который далеко не всегда успевал принимать осмысленные решения, как надо реагировать на очередную «инициативу снизу» – какую пресечь или притормозить, какую осторожно поддержать, а какую и открыто возглавить. А ведь был и очень ответственный вопрос: в каких случаях отключить «автоматизм» превращения осуждения «политических ошибок» в осуждение юридическое, в судебный приговор, а в каких случаях дать этому автоматизму проявить себя в полную силу...

Иногда приходилось вмешиваться лично И.В. Сталину, чтобы поправить не вполне продуманное решение нижестоящих уровней партийного руководства. Вот один из наиболее ярких примеров.

Н.Я. Марр
и «марризм»

В октябре 1948 года началась кампания по дискредитации противников Н.Я. Марра под лозунгом искоренения «менделизма-вейсманизма-морганизма» в языкознании. Публикуется серия статей, громящих несогласных в ключевых в политическом отношении газетах – «Правда», «Культура и жизнь», «Литературная газета», то есть с явной санкции политического руководства. Культ Н.Я. Марра достигает апогея на парадной сессии его памяти в начале 1950 года. Последствия первого этапа «творческого обсуждения вопросов языкознания», типичные для всех подобных кампаний: торжествующие марристы, отрекшиеся, уволенные, сосланные, затравленные противники Н.Я. Марра. В мае 1950 года И. Сталин поддерживает инициативу одного из недавших «антимарристов» А.С. Чикобавы (он обращался за такой поддержкой еще весной 1949 года) и предлагает ему для выступления высокую трибуну – газету «Правда»; более того, И.В. Сталин сам правит статью А.С. Чикобавы перед ее публикацией. Начинается второй этап «творческого обсуждения вопросов языкознания»; летом 1950 года «Правда» печатает уже три выступления самого И.В. Сталина против «марризма» [7]. Результаты второго этапа тождественные: торжествующие противники Н.Я. Марра, отрекшиеся, уволенные, сосланные, затравленные марристы. Российский историк Е.Ю. Зубкова, ссылаясь на архивные материалы, дает впечатляющую картину цепной реакции недавних сторонников Н.Я. Марра (из гуревичевских «середняков») на публикацию «Правдой» сталинского мнения: *«“Правда” получала уже не письма, а срочные телеграммы: “В мою дискуссионную статью прошу внести срочные коррективы следующего содержания: в любом классовом обществе язык является не классовым, а общенародным. Остальное остается в силе”; “Прошу не публиковать мою статью по вопросам дискуссии и вернуть обратно”; “После статьи товарища Сталина отказываюсь от основных положений своей статьи, прошу ее не публиковать”; “Прошу задержать мою статью... Считаю эту статью ошибочной и вредной”; “После гениальной статьи тов. Сталина необходимость опубликования моей статьи отпадает”; “Статью к лингвистической дискуссии не печатайте. На днях высылаю новую”»* [8].

В обстановке такой ожесточенной борьбы за привилегии «ученого сословия» и проходила кампания обсуждения/осуждения ошибок Б.Ф. Поршнева. В этой кампании, продолжавшейся около трех лет, отчетливо

Кампания по осуждению «ошибочных взглядов»
Б.Ф. Поршнева

выделяются два этапа: публичный (1950–1951) и непубличный (1951–1953)*.

«Научные
дискуссии» с
гарантированным
результатом

В начале 1950 года, чуть ли не одновременно с официальным решением о присуждении Б.Ф. Поршневу Сталинской премии, начинается публичный этап. Как именно, после сказанного выше догадаться несложно: по инициативе «аспирантской молодежи» МГУ, а точнее – по инициативе комсомольской организации при кафедре истории Средних веков начались обсуждения четырех статей Б.Ф. Поршнева о роли классовой борьбы при феодализме на историческом факультете МГУ. Б.Ф. Поршневу отдает себе отчет в реальной возможности негативного для него развития событий и стремится не упустить контроль за подготовкой и ходом дискуссии в МГУ, что ему, впрочем, не удается. Академический Институт истории оказался более лояльным к Б.Ф. Поршневу; там, естественно, меньшим влиянием пользовались и «аспирантская молодежь», и комсомольцы. Даже партбюро института, возглавляемое тогда главным противником Б.Ф. Поршнева Н.А. Сидоровой, не имело власти, достаточной для организации «научной дискуссии» с гарантированным результатом. Обсуждение статей Б.Ф. Поршнева в профильном секторе института, на проведении которого партбюро настаивало, несколько раз откладывалось. Вначале статьи Б.Ф. Поршнева были подвергнуты критике в секторе истории СССР до XIX века и только в середине января 1951 года была, наконец, организована дискуссия в секторе истории Средних веков. Дискуссия, проходившая в знаменитой большой аудитории на Волхонке, 14, где тогда располагались оба академических института – и философии, и истории, продолжалась четыре дня и стала кульминацией первого этапа кампании. О значении этой дискуссии С. и Т. Кондратьевы пишут: «Сами количественные характеристики обсуждения показывают, насколько большой резонанс получили статьи Поршнева. В ходе заседаний выступило 22 человека, на каждом заседании присутствовало от 100 до 200 слушателей» [10]. По воспоминаниям Е.В. Гутновой, «было проведено несколько весьма широких собраний, на которых выступали сторонники и противники Поршнева... Собрания происходили при большом стече-

* В изложении фактической стороны кампании использованы архивные данные, приведенные в книге С. и Т. Кондратьевых [9]. За интерпретацию сведений, предложенную в настоящем очерке, Кондратьевы, разумеется, ответственности не несут.

нии народа и довольно бурно. В ходе них Поршнев и его единомышленники остались в меньшинстве» [11]. Естественно, Е.В. Гутнова положительно оценивает и итоги дискуссии: «Эта победа положила конец притязаниям “поршневи́стов” на господствующее положение в нашей медиевистике» [12].

Однако, судя по всему, научные силы сторонников и противников Б.Ф. Поршнева были практически равными, и только явно выраженная позиция партбюро института превращала первых в «меньшинство». Но и среди тех, кто, пусть и с некоторыми оговорками, поддержал Б.Ф. Поршнева в январе 1951 года, а значит, принадлежал к проигравшему меньшинству, были далеко не последние советские историки Е.А. Косминский (в то время руководитель институтского сектора истории Средних веков и одноименной кафедры МГУ), М.М. Смирин, З.В. Мосина, З.В. Удальцова, М.А. Алпатов, И.З. Тираспольская. Впрочем, решающее значение для Б.Ф. Поршнева, вероятно, имела поддержка философов, участвовавших в январском заседании сектора истории Средних веков – Т.И. Ойзермана и Ф.В. Константинова.

«Ресурс» отношений
с философами

Важная деталь. В конце января, уже после четырехдневной дискуссии, на заседании партбюро и затем на отчетно-выборном партийном собрании института секретарь партбюро Н.А. Сидорова особо подчеркивала роль историка В.В. Альтмана, содействовавшего и публикации поршневских статей, и приглашению философов на дискуссию: «Альтман играл не последнюю роль в группе Поршнева, Манфреда, Вебера и др. Необходимо заняться этим вопросом серьезно... Альтман... не только напечатал статьи Поршнева в “Известиях Академии наук”, не только тащил их в печать одну за другой, но на дискуссии проявил необычайную активность, тащил философов с третьего этажа, чтобы выступили в защиту этих статей Поршнева» [13]. В.В. Альтман, слывший, по словам А.Я. Гуревича, «институтским шутником» [14], в конце 1940-х годов работал референтом Отделения истории и философии АН СССР; вскоре после дискуссии он был арестован как бывший троцкист и враг народа (освобожден в 1955 году). По каким-то причинам попытка Н.А. Сидоровой сконструировать «антипартийную группу» из нескольких историков и философов во главе с Б.Ф. Поршневым, а также связать эту группу с «троцкистом Альтманом», не получила продолжения... А уже через десять лет эта «группа», во всяком случае, в части союза Б.Ф. Поршнева и А.З. Манфре-

да, как было показано в предыдущем разделе, окончательно распалась...

Так или иначе, именно поддержка философов, имевших, безусловно, более тесные, чем историки, связи с системой партийного-политического контроля за общественными науками, фактически уравнивала «антипоршневатский» потенциал партбюро института. Хорошие отношения с философами, установившиеся, как выше было сказано, еще в 1930-е годы, и в дальнейшем оставались значимым «ресурсом» для Б.Ф. Поршнева.

Персонификация исторической науки

Н.А. Сидорова была вождем кампании против Б.Ф. Поршнева. Она олицетворяла собой типичного представителя советской послевоенной науки, умело использующего в своих интересах бурный поток «инициатив снизу», порожденный возросшим статусом «ученого сословия». Вот мнение А.Я. Гуревича о ее роли в новой эпохе: *«Она персонифицировала новый курс в исторической науке, оттеснила прежних виднейших медиевистов, заменила их новыми людьми, воспитала их (о, нет, не в научном отношении!) и, главное, насадила тот дух на кафедре и в секторе истории Средних веков, который оказался наиболее подходящим для “новой поросли” и благоприятствовал продолжению ее политики нынешним (написано в 1973 г. – О.В.) заправилам этих учреждений. Н.А. Сидорова обладала своими качествами, в определенном смысле это была личность (я ей обязан ускорением защиты докторской диссертации), но других личностей вокруг себя она не терпела... В пределах медиевистики именно Н.А. Сидорова способствовала больше, чем кто-либо, вырождению медиевистики в Москве – и началось это вырождение еще при жизни Е.А. Косминского, не говоря уже о С.Д. Сказкине или А.И. Невусыхине. Все они ее боялись, а потому попустительствовали ей, отступая на задний план, ненавидели ее и пользовались созданными ею или при ее активном участии условиями»* [15].

Мнение А.Я. Гуревича тем более ценно, что он, во-первых, вовсе не считает Н.А. Сидорову научной бездарностью, во-вторых, весьма критично относится к марксизму Б.Ф. Поршнева, и, в-третьих, свидетелем ее борьбы с Б.Ф. Поршневым не был (в то время А.Я. Гуревич работал вне Москвы) и в своих воспоминаниях этой темы вообще не касается.

Результат январской дискуссии – неустойчивое равновесие. Даже резолюции, подводящей итоги, не было принято, хотя Е.А. Косминский и уговаривал

«Неустойчивое равновесие»

Б.Ф. Поршнева не противиться ее принятию. Уже в августе 1951 года подписан к печати университетский учебник «Новая история. Т. I. 1640–1789», в редколлегии которого мирно уживаются Б.Ф. Поршнева и два его непримиримых оппонента по январской «теоретической дискуссии» – В.В. Бирюкович и С.Д. Сказкин. Учебник, очевидно, был подготовлен еще до кампании, тут важно другое: имя Б.Ф. Поршнева из состава редколлегии вычеркнуто не было. Этот учебник, включавший несколько глав, написанных Б.Ф. Поршневым, а также с его участием, выдержал три издания (1951, 1953, 1964) и был переведен (издание 1953) на несколько языков, в том числе на польский (1954), немецкий (1954), румынский (1954), латышский (1954)*.

Как будто все трудности позади: через полгода после январской дискуссии Б.Ф. Поршнева был восстановлен на работе в Институте истории, хотя в МГУ, к обучению будущих историков, вернуться ему уже не удалось.

Однако противники Б.Ф. Поршнева не склонны были удовлетвориться сложившимся положением «полупобеды». Под давлением Н.А. Сидоровой Е.А. Косминский покидает лагерь союзников Б.Ф. Поршнева, публикуя статью с критикой ошибок последнего. Начинается второй – непубличный – этап кампании. С. и Т. Кондратьевы пишут об этом: *«Поскольку наиболее последовательные борцы за чистоту марксизма с марксистом Поршневым расценивали результаты дискуссии как промежуточные, неокончательные, то разбирательство теперь следовало перенести в партийные органы, которые обладали правом последнего вердикта по всем проблемам включая научные. Практически сразу за подведением итогов дискуссии партбюро Института истории вновь обсуждает Б.Ф. Поршнева и его статьи»* [17].

На заседаниях партбюро предлагается «до конца разоблачить концепцию Поршнева», причем на закрытом, а не на открытом партийном собрании: *«иначе Поршнева и Мосина мобилизуют ряд людей, выйдет повторение пройденного»* [18]. Надо учесть, что беспартийного Б.Ф. Поршнева** и самого могли не пус-

* Ю.Л. Ярецкий пишет, что с этого издания учебника были сделаны также переводы на болгарский (1953), венгерский (1953), греческий (1953), литовский (1955), китайский (1956) и эстонский (1958) языки. См.: [16]. Однако найти подтверждения существованию этих переводов мне пока не удалось.

** Б.Ф. Поршнева всю свою жизнь оставался беспартийным. См.: [19].

Победа
и «полупобеда»

тить на закрытое партийное собрание. Тем не менее партбюро решает, что оснований звать «философов с третьего этажа» на партсобрание (даже открытое) у Б.Ф. Поршнева не будет никаких, а со своими – при тщательной подготовке – вполне удастся справиться: *«Открытое партийное собрание Института истории, озаглавленное “Об идейно-теоретическом уровне научной продукции и о состоянии научной критики и самокритики”, состоялось 25–26 апреля 1951 г., и не менее половины его времени заняло обсуждение статей Поршнева»* [20].

Опасность активной защиты своих идей

На этом собрании Б.Ф. Поршнев перешел в наступление. Он заявил, что в главном он по-прежнему считает себя правым, но, теме не менее, учел ряд справедливых критических замечаний, сделанных на январской дискуссии, тогда как его оппоненты и в главном не правы, и даже минимальной критики не восприняли. Резкий тон выступления Б.Ф. Поршнева, не пожелавшего «разоружиться перед партией», спровоцировал его противников на предельно жесткую полемику: звучало и сравнение Б.Ф. Поршнева с врагами народа, троцкистами (В.В. Бирюкович), и оценка некоторых его формулировок как заслуживающих ордена от Трумена (В.Д. Мочалов). С последним Б.Ф. Поршнев вступил в открытую перепалку, завершившуюся взаимными выпадами «руки коротки». При этом, Б.Ф. Поршнев не мог не знать, что В.Д. Мочалов – опасный противник: предшественник Н.А. Сидоровой на посту секретаря партбюро института, он до прихода в институт работал в Высшей партийной школе и был хорошо известен как инициатор издания собрания сочинений И. Сталина, много сил отдавший этому «издательскому проекту». В защиту Б.Ф. Поршнева выступили только М.М. Смирин и З.В. Мосина – последняя несмотря на то, что в это время ее брат и сестра была репрессированы. Резолюция партсобрания признала статьи Б.Ф. Поршнева ошибочными и порочными. Положение становится для Б.Ф. Поршнева угрожающим...

Однако в июльском номере журнала «Вопросы истории» появляется редакционная («передовая») статья, в которой отмечаются ошибки Б.Ф. Поршнева, но... подчеркивается, что ошибки его оппонентов серьезнее. Ситуация возвращается к неустойчивому равновесию января. Б.Ф. Поршнев видит в этом шанс и немедленно пытается развить успех, воспользовавшись «методом Чикобавы», год назад показавшим неплохие результаты – прямое обращение к И.В. Сталину. Еще с 1920-х годов интересовавшийся творчеством

Н.Я. Марра, Б.Ф. Поршнев, очевидно, был в курсе перипетий «двухэтапной кампании» обсуждения вопросов языкознания, да и само название передовой в «Вопросах истории» о ней недвусмысленно напоминало: «Значение трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания для советской исторической науки»...

В августе Б.Ф. Поршнев направляет в ЦК ВКП (б) и лично И.В. Сталину письмо с приложением рукописи книги «Роль борьбы народных масс в истории феодального общества», подготовленной на основе тех самых семи статей, четыре из которых были опубликованы в 1948 – 1950 годы и послужили обвинительным материалом для кампании. Повторить успех А.С. Чикобава Б.Ф. Поршневу, увы, не удалось: рукопись передают секретарю ЦК М.А. Суслову и в отдел науки ЦК, который, в свою очередь, привлекает к рецензированию троих противников-историков (С.Д. Сказкин, В.В. Бирюкович и Л.В. Черепнин) и одного сторонника-философа (Г.Е. Глазerman). О характере рецензий не трудно догадаться: три первые резко отрицательные, четвертая – положительная, но с оговорками. Отношение отдела науки ЦК, в целом, достаточно лояльное; в декабре «рукопись по просьбе автора возвращается ему для переработки». Ситуация опять возвращается к состоянию неустойчивого равновесия...

«Поршневский
самиздат»

Итак, задуманная книга о роли народных масс при феодализме в 1951 году не вышла. Однако ограниченным тиражом (три-пять экземпляров) книга все-таки «вышла в свет» – для себя и самых близких друзей; первый экземпляр, понятно, – И.В. Сталину. Сохранившийся экземпляр поршневого «самиздата» представляет собой 452 страницы машинописного текста, переплетенного в книгу, с титульным листом, на котором стоит: «Москва. 1951» [21]. Спустя десятилетие ситуация почти повторится: книга Б.Ф. Поршнева «Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах» выйдет в 1963 году тиражом в 180 экземпляров...

Узнав о постигшей Б.Ф. Поршнева неудаче с «методом Чикобава», противники оживились: в сентябре партбюро Института истории вновь занимается ошибками Б.Ф. Поршнева – уже на закрытом партсобрании. В начале 1952 года в «Вопросах истории» появляется критическая статья В.В. Бирюковича. Но Б.Ф. Поршнев упорно продолжает борьбу. Летом 1952 года он пытается опубликовать две статьи – с критикой опубликованных статей Е.А. Косминского [22] и В.В. Бирюковича [23]. По все видимости, отдел науки ЦК в декабре согласился с правом Б.Ф. Поршне-

«Не использовал трибуны» для публичной самокритики

ва выступать с критическими статьями, но, впрочем, и не помог в этом: обе статьи не были опубликованы...

В 1952 году добавляется еще один фактор, способный повлиять на развитие кампании, — неожиданный, но весьма серьезный: с февраля по сентябрь 1952 года «Правда» публикует четыре выступления И.В. Сталина, относящихся к дискуссии об учебнике политической экономии. Осенью того же года статьи выходят в виде брошюры «Экономические проблемы социализма в СССР». В брошюре вроде бы и нет прямых указаний для историков, но это, конечно, не повод игнорировать новый «гениальный труд товарища Сталина». В декабре 1952 года Институт истории АН СССР проводит научную конференцию, посвященную феодальной собственности (в связи с выходом «гениального труда»). В обзоре дискуссии, опубликованном журналом «Вопросы истории» уже после смерти И.В. Сталина (№ 4 за 1953 г.), вслед за изложением выступления Б.Ф. Поршнева с критикой С.Д. Сказкина, сказано: *«Следует отметить, что Б.Ф. Поршнев не использовал трибуну конференции, чтобы подвергнуть критике допущенные им ошибки по вопросу об основных законах развития феодального общества. В частности, он ни слова не сказал о своих статьях, опубликованных в “Известиях АН СССР” и подвергшихся справедливой суровой критике со стороны советских историков»* [24].

В самом начале 1953 года журнал «Коммунист» вновь напоминает об ошибках Б.Ф. Поршнева, хотя и без нарушения сложившегося неустойчивого равновесия. И только теперь, по прошествии трех лет изнурительной кампании, Б.Ф. Поршнев идет на ритуальный акт — публичная «самокритика». В № 3 журнала «Вопросы истории» публикуется его «Письмо в редакцию» с признанием ошибок и планом работы по их исправлению. Б.Ф. Поршнев, конечно, хорошо понимал смысл такого ритуала: само разрешение на публикацию «покаянного письма» демонстрирует, что «раскаявшийся» не потерял доверие партийно-политического руководства. Время публикации выглядит символическим — в марте умирает И.В. Сталин.

Но даже в этом ритуальном акте Б.Ф. Поршнев продолжает настаивать на своем! Сопоставление текстов нового «гениального труда товарища Сталина» с поршневым «Письмом в редакцию» приводит к выводу: Б.Ф. Поршнев предпринял еще одну попытку сделать И.В. Сталина своим союзником.

В «Письме» Б.Ф. Поршнев, естественно, вынужден как-то оправдать запоздалость своего покаяния:

Сделать И.В. Сталина своим союзником

«Я должен признать, что выступаю с самокритикой очень поздно – спустя более двух лет после того, как мои статьи впервые подверглись критике. Я не мог осознать свои ошибки со всей ясностью до тех пор, пока не увидел, как их следует исправить на деле» [25].

А помог Б.Ф. Поршневу увидеть путь исправления своих ошибок, конечно, «товарищ Сталин»: *«В 1948–1950 гг. мною были опубликованы... четыре статьи, посвященные вопросу о роли борьбы народных масс в истории феодального общества... Книга товарища Сталина помогла мне понять, как следовало правильно подойти к разрешению поставленной задачи, чтобы не допустить ошибок... Сейчас, после выхода нового труда товарища Сталина, допущенные мною методологические ошибки становятся особенно очевидными» [26].*

Тут явная уловка. Главная ценность нового «труда товарища Сталина» для Б.Ф. Поршнева была вовсе не в том, что он помог понять допущенные ошибки, а как раз в обратном: Б.Ф. Поршневу стало понятно, как эти свои «ошибочные взгляды» реабилитировать, как вернуть им утраченный было научный статус.

«Покушение» на материалистическое понимание истории

Главным теоретически значимым пунктом «товарищеской критики» 1950–1953 годы было обвинение в том, что своей теорией классовой борьбы историк Б.Ф. Поршнев лишает экономический базис определяющей роли в развитии общества, что равносильно покушению на исторический материализм, на материалистическое понимание истории. С другой стороны, сложившееся в советской политической экономии понимание экономического базиса отводило классовой борьбе роль не обязательного привеска: развитие «производительных сил» само по себе обеспечивает общественный прогресс и лишь зловредность отдельных лиц или групп провоцирует обиженных на «классовую борьбу». Получается замкнутый круг...

В наше время трудно даже вообразить, насколько незыблемым и жестким был в советское время порядок интерпретации «положений», «тезисов» и «чеканных формул», содержащихся в «трудах классиков марксизма-ленинизма». Любая несанкционированная вольность в интерпретации «классиков» была равносильна посягательству на уровень решений высшего партийного руководства. Это роковая судьба любой научной теории, превращенной в государственную идеологию. Неизбежные в научном творчестве не до конца решенные проблемы, скрытые противоречия, ошибочные, как показало дальнейшее развитие науки, гипотезы и т.п. совершенно недопустимы для канониче-

ских текстов государственной идеологии. Тут должно быть все ясно, все окончательно, все бесспорно. Поэтому совершенно гипертрофированный «научный» вес приобретают государственные институты, которые наделяются правом устанавливать, что признавать у «классиков» окончательно решенным, что требующим дальнейшей разработки, что устаревшим, что и вовсе ошибочным. В разгар кампании по разоблачению поршневских ошибок нельзя было и помышлять о попытках, скажем, по-другому «прочитать Маркса». А тут такое везение: новый труд «живого классика», по отношению к которому канонический свод интерпретаций еще не сложился!

Интерпретации
«в свою пользу»

И Б.Ф. Поршнев смело берется за дело. Два примера. И.В. Сталин дает свое знаменитое определение производственных отношений (его учило не одно поколение советских студентов): *К производственным отношениям «относятся: а) формы собственности на средства производства; б) вытекающее из этого положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношения...; в) всецело зависящие от них формы распределения продуктов».*

Б.Ф. Поршнев из этого определения делает вывод, как ему следовало бы экономически обосновать классовую борьбу, чтобы избежать обвинений в покушении на исторический материализм. А всего-то надо было *«раскрыть перед читателем насквозь антагонистический, классовый, эксплуататорский характер самой феодальной экономики. Тогда и вопрос о классовой борьбе занял бы свое естественное место»* [27]. И поясняет, по своему пересказав сталинское определение: *«В феодальном базисе надлежит выделить прежде всего собственность феодалов на главное средство... производства, землю, и отсутствие этого средства производства в полной собственности у трудящихся. Отсюда вытекает положение в производстве и взаимоотношение феодалов и крестьян: положение эксплуататоров и эксплуатируемых, взаимоотношение господства и подчинения»* [28].

И.В. Сталин пишет: *«В экономической области открытие и применение нового закона, задевающие интересы отживающих сил общества, встречают сильнейшее сопротивление со стороны этих сил. Нужна, следовательно, сила, общественная сила, способная преодолеть это сопротивление... Использование экономических законов всегда и везде при классовом обществе имеет классовую подоплеку».*

Б.Ф. Поршнев опять пересказывает И.В. Сталина в свою пользу: «...Труд товарища Сталина вооружает нас на борьбу с фаталистическими представлениями о стихийном развитии экономики помимо людей, помимо их активной борьбы за использование экономических законов, помимо борьбы отживающих и передовых общественных сил. В классовом... обществе использование экономических законов всегда и везде имело классовую подоплеку, экономический закон пробивал себе дорогу через борьбу различных классов за свои интересы и выгоды» [29].

Поршневецкое прочтение «гениального труда товарища Сталина», конечно, не назовешь откровенным передергиванием, но все-таки оно достаточно вольное. Далеко не факт, что И.В. Сталин бы согласился тут с Б.Ф. Поршневым, что стал бы его союзником...

Аргументы, изложенные Б.Ф. Поршневым в своем «Письме в редакцию», при всей их внешней схоластичности переводили беспредметный спор на тему «Какая из двух канонических формул важнее – про первичность базиса или про движущую силу классовой борьбы?» в продуктивную дискуссию о классовой природе экономики, опирающуюся на результаты специальных эмпирических и теоретических исследований.

Сразу после смерти И.В. Сталина Б.Ф. Поршнев ввязывается в начавшуюся дискуссию о феодальной экономике и основном экономическом законе феодализма. Уже через три месяца публикуется статья Б.Ф. Поршнева «К вопросу об основном экономическом закона феодализма». Позднее (конец 1960-х годов) Б.Ф. Поршнев даст резко негативную оценку прошедшей дискуссии: «Историки сплошь и рядом не подозревают, насколько отличаются фундамент и метод науки политической экономии... от способа работы и мышления в исторической науке. Если по отношению к капитализму они связаны почтением к “Капиталу” Маркса, хоть и знают его, в лучшем случае, в изложении Каутского*... то в отношении докапиталистических способов производства они резко предаются кустарничеству, уверенные, что это их дело, что их-то тут и не хватало. Примером может послужить комическая “дискуссия” об основном экономиче-

* Речь идет о популярной в свое время книге К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса», впервые опубликованной в 1886 году и многократно издававшейся в русском переводе (последний раз в 1956 году).

Дискуссия об основном экономическом законе феодализма

ском законе феодализма...: ни редакция, ни авторы “не ведали, что творят”, нагромодив гору импровизаций в науке, чуждой им как доколумбова Америка – европейцам» [30].

И далее: «Плачевное зрелище представляют и главы по докапиталистическим способам производства в учебниках по политической экономии, как и немногие сочинения экономистов на эту тему от Г. Рейхардта до К. Островитянова. Да, политическая экономия – наука обобщающая, абстрактно-аналитическая, но как быть, если тебе нечего обобщать и анализировать, не от чего абстрагироваться? Исторические знания тут отсутствуют, либо мизерны и фрагментарны... Поэтому историки отбрасывают с непочтительным смехом эти сочинения экономистов» [31].

Наибольшую известность из поршневских исследований в области политической экономии получила книга «Очерк политической экономии феодализма» (1956). Книга была переведена на китайский (1958), чешский (1959), румынский (1967) языки. Сохранился автограф предисловия к японскому переводу книги [32], кто-то, видимо, обращался к Б.Ф. Поршневу с такой инициативой.

Б.Ф. Поршневу довольно редко распространял свои изыскания по теории исторического процесса на капитализм. В большинстве случаев он признавал правильным анализ, данный К. Марксом, а в случае несогласия хорошо понимал, насколько опасно покушаться на авторитет «классиков». И все же иногда Б.Ф. Поршневу позволял себе – предельно осторожно и тактично – «уточнять» К. Маркса. В статье «Вопросы классовой борьбы в “Капитале” Маркса» (1958) Б.Ф. Поршневу убедительно показал, что К. Маркс не вполне осознал роль классовой борьбы в эволюции капитализма, хотя и изложил в «Капитале» весь необходимый для такого осознания материал.

В 1964 году Б.Ф. Поршневу, наконец, удается опубликовать монографию о классовой борьбе, задуманную еще в конце 1940-х годов, правда, под несколько измененным названием – «Феодализм и народный массы». Книга, в которую в переработанном виде вошло все им написанное о феодализме в 1948 – 1950 годы, отличается от первоначального плана тремя важными особенностями. Во-первых, Б.Ф. Поршневу выполняет обещание, данное в «покаянном» письме: в качестве первой части в книгу вошел уже опубликованный «Очерк политической экономии феодализма» и, таким образом, на при-

«Уточнения»
К. Маркса

мере феодализма под классовую борьбу подводится экономический фундамент. Во-вторых, он включает в качестве раздела «Учения о классовой борьбе и политическая экономия» в одну из глав книги упомянутую статью, «уточняющую» К. Маркса. И, в-третьих, в книгу включается приложение «Проблема феодального синтеза», где Б.Ф. Поршневу в кратком и обобщенном виде изложил свое понимание некоторых важнейших особенностей рабовладельческой формации и вытекающих отсюда особенностей перехода от нее к феодализму. В марте 1966 года монография была защищена как докторская диссертация по философии. Официальным оппонентом на защите был Т.И. Ойзерман – один из двух философов, поддержавших Б.Ф. Поршневу в январе 1951 года.

Эмпирия и
теоретические
построения

У советских и российских историков не является большой редкостью мнение, что факты, эмпирический материал интересовали Б.Ф. Поршневу исключительно как иллюстрации для своих теоретических построений. Именно такое мнение высказывает в своих воспоминаниях А.Я. Гуревич. Специально о работе Б.Ф. Поршневу над книгой «Феодализм и народные массы» А.Я. Гуревич пишет: *«Я был свидетелем того, как он заказал одной молодой особе подобрать научные доказательства – ссылки, чтобы его высказывания не выглядели голословно. Подобрать ничего не удавалось, и эта молодая особа была настолько бестактна (я допустил это выражение, поскольку речь идет о моей жене), что, придя к профессору, изложила ему свои критические соображения. Он или пренебрег ее мнением, или не считал возможным для себя спорить по существу. И это не помешало ему опубликовать свою книгу, продукт его странного творчества»* [33].

Рискну высказать другое, во всяком случае, не менее правдоподобное объяснение неудачи «молодой особы» и ее «бестактности»: именно следование «неприкосновенным методологическим традициям», то есть некоей предвзятой, не подвергнутой критическому осмыслению теоретической схеме и мешает увидеть факты, в эту «очевидную» схему не укладывающиеся.

Об отношении Б.Ф. Поршневу к ключевым понятиям (или, как было принято говорить раньше, «категориям») марксизма тут надо сказать несколько слов. Б.Ф. Поршневу открыто и недвусмысленно придерживался теории общественных формаций как последовательных ступеней развития человеческого общества, закономерных этапов человеческой истории. Но для надежного обоснования своей идеи о диахроническом

Отношение
к ключевым
понятиям
марксизма

единстве исторического процесса Б.Ф. Поршневу недостаточно было формальной и абстрактной констатации: «классовая борьба – движущая сила». Его интересовал «процесс работы» этой движущей силы во всех его фактических деталях и «технологических» особенностях. Поэтому Б.Ф. Поршнев исследовал, как именно, в каком конкретном процессе (или посредством какого процесса) сопротивление эксплуатации со стороны крестьян феодальной эпохи имело своим следствием сдвиги в экономике, государственном устройстве, военном деле, науке, культуре и т.п. И в этом отношении работы Б.Ф. Поршнева являются совершенно уникальными среди исследований, авторы которых считали или считают себя марксистами.

Несколько лет назад мне уже приходилось давать высокую оценку поршневному анализу классовой борьбы [34]. В неоднократно цитированной книге С. и Т. Кондратьевых можно прочесть к такой моей оценке удивительный комментарий: «Статьи Б.Ф. Поршнева конца 40-х годов о классовой борьбе он называет “уникальными” и “непревзойденными”, видимо, не замечая, что данная проблематика давно стала архаичной, периферийной и маргинальной у историков и обществоведов» [35]. То, что большинство современных «историков и обществоведов» классовой борьбой (а также общественными формациями и прочими марксистскими конструкциями) не интересуются, есть бесспорный факт. Но на чем основано предположение, что я этот факт «не замечаю»? Очевидно, авторы исходят из гипотезы, что любой серьезный исследователь, заметив, что занимающая его проблема перестала интересовать большинство коллег-ученых, должен и сам тут же перестать ею интересоваться. Гипотеза абсурдная: если бы наука в своем развитии следовала этому правилу, человечество не имело бы в своем распоряжении и десятой доли тех научных открытий, которыми оно располагает сегодня.

В 1950–1960-е годы Б.Ф. Поршневым было подготовлено несколько статей и о других формациях: о специфике рабовладельческой формации и о так называемом «азиатском способе производства». Эти статьи так и не были опубликованы. Надо заметить, критика концепции азиатского способа производства представлялась Б.Ф. Поршневу очень важной на всем протяжении его творчества. Самая ранняя известная поршнеvsкая аргументация против этой концепции содержится в упомянутой выше работе о торговом капитале (начало 1930-х годов), самая поздняя – в опубликованном посмертно докладе «Роль революций в смене форма-

«Бесспорное
и спорное»

ций». В 1967 году Б.Ф. Поршнева – в соавторстве с З.В. Удальцовой (его союзником в январской дискуссии 1951 года) и Г. Стратановичем – подготовил статью «Бесспорное и спорное в учениях о формациях», в которой была сделана попытка подвести итог дискуссиям о рабовладельческом и азиатском способах производства. По-видимому, статья была подготовлена вслед состоявшемуся в мае 1966 года обсуждению темы в отделе истории редакции журнала «Коммунист», в котором принимала участие З.В. Удальцова (Б.Ф. Поршнева в нем не участвовал), и предназначалась для этого журнала.

Аргументации
и протесты
Б.Ф. Поршнева

Б.Ф. Поршнева решительно и аргументированно протестовал против правомерности понятия «азиатский способ производства» в рамках марксистской теории формаций. Строго говоря, он доказывал три тезиса: 1) приписывание К. Марксу представления об особом – азиатском – способе производства основано на недоразумении, на игнорировании исторически сложившегося европейского дискурса, в рамках которого К. Маркс пользовался термином «азиатский»; 2) добавление азиатского способа производства в марксистскую концепцию общественных формаций полностью ее разрушает; 3) для преодоления противоречий между сложившейся теорией и накопленным массивом новых фактов возможна такая модификация первой, которая ее не разрушает. Нетрудно догадаться, что абсолютно большинству историков все эти вопросы были решительно безразличны; но они были крайне встревожены другим: Б.Ф. Поршнева фактически выбивал из их рук очень важный для советского ученого-обществоведа «аргумент», необходимый для легитимации собственных теоретических построений, – ссылку на «классиков». О том же, собственно, пишут и С. и Т. Кондратьевы, объясняя негативное отношение к поршневаским обобщениям со стороны коллег-историков: они «не желали принимать его слишком последовательный... монизм. Историки... все-таки хотели бы иметь права на разнообразие исследовательских сюжетов, если уж подходу суждено было оставаться одному – марксистскому» [36]. Еще точнее, советские историки вовсе не хотели сохранения за марксизмом строгости и определенности особой научной школы, раз уж для других научных школ место под солнцем не предусматривалось...

Итогом всего этого направления поршневаских исследований стала попытка опубликовать упоминавшуюся выше монографию «Докапиталистические спо-

события производства (основные экономические и социологические категории)». Работа над книгой началась не позже середины 1960-х годов. Летом 1972 года Б.Ф. Поршнев подал заявку в издательство «Мысль», но получил отказ (ниже к обстоятельствам этого отказа еще будет повод вернуться).

Политическая
экономика от
первобытности до
капитализма

В этой неопубликованной монографии Б.Ф. Поршнев суммировал все важнейшие элементы своей теории исторического процесса – политическую экономию последовательно сменяющих друг друга формаций, теорию классовую борьбу и социальной революции. Взятый «диахронический горизонт» охватывал период от первобытности до генезиса капитализма. В проспекте книги Б.Ф. Поршнев написал: *«Книга излагает не экономическую историю, а теоретическую экономию докапиталистических способов производства, однако тематика политической экономики в ней очень тесно переплетается со многими коренными вопросами теории исторического материализма, в первую очередь – теории формаций. Она отличается от того, что обычно пишут о докапиталистических обществах в учебниках по политэкономии и истмату, ибо автор – историк и поэтому достаточно знает относящийся к делу предмет»* [37].

Эта неопубликованная монография исключительно важна с точки зрения формирования поршневыской теории исторического процесса. Прежде всего, бросается в глаза «недостроенность», «усеченность» самой теоретической конструкции: логика исторического процесса требовала не останавливаться на генезисе капитализма, но идти дальше, вплоть до «конца истории». Но на пороге капитализма Б.Ф. Поршнев ставит точку...

Научная
осторожность
Б.Ф. Поршнева

О большой осторожности, с которой Б.Ф. Поршнев обращался к историческому материалу капиталистической эпохи, выше уже сказано. Но капитализм еще полбеда. Настоящая беда – социализм. И тут дело не только и даже не столько в политической цензуре. У Б.Ф. Поршнева явно не было ничего «про социализм», что могло бы привлечь внимание цензуры. Не мог он предъявить читателю теоретическое исследование современной ему эпохи того масштаба и той глубины, которые отличали его анализ других эпох. Не было этих исследований, не было даже самых сырых первоначальных набросков. По разным работам Б.Ф. Поршнева можно, конечно, собрать высказывания о социализме вообще и о социализме в СССР в частности. Их суммирование не дает никакой общей кар-

тины, в них не отвечает никакая-либо теоретическая концепция. С другой стороны, далеко не лестные оценки советского социализма, нередко, по словам близко знавших его людей, дававшиеся Б.Ф. Поршневым [38], также не складываются в какую-либо пусть и смутную теоретическую систему. Большая часть этих высказываний, как негативных, так и позитивных, едва ли представляет научную ценность.

Непонимание Б.Ф. Поршневым природы советского социалистического общества особенно наглядно обнаруживается, если посмотреть на его собственное «общественное поведение» с точки зрения данного им же анализа надстройки феодального общества. Ведь приложив этот анализ к окружающей Б.Ф. Поршнева действительности нельзя было не увидеть почти полную тождественность советской идеологической надстройки ее средневековому феодальному аналогу. Однако практика собственной научной полемики Б.Ф. Поршнева вопиющим образом демонстрирует (тому ниже будет еще много примеров), что он не видит этой тождественности, не принимает в расчет, что марксизм в СССР был не только и даже не столько «научной школой», сколько идеологической надстройкой, а потому не замечает и того, что исследованное им (на материале феодализма) расшатывание идеологической монополии происходит как раз у него на глазах со всеми хорошо известными ему особенностями и исключительно прогрессивными последствиями [39]...

Конечно, ситуацию осложняла и недоступность полноценной информации о важнейших событиях, и бдительный партийно-политический контроль. Но даже если все эти факторы бросить на весы, они явно не смогут перевесить той поистине неиссякаемой энергии, с которой Б.Ф. Поршневым работал над осуществлением своего юношеского замысла – сочинения «Критика человеческой истории». Значит необходимо предположить какие-то иные, более весомые причины, заставившие Б.Ф. Поршнева оборвать свою теорию исторического процесса на пороге капитализма.

Загадка не так уж сложна, если искать ответ не в удобстве или неудобстве условий, которые окружающий мир создавал для работы историка Б.Ф. Поршнева, а в развитии самого этого окружающего мира как объекта (или потенциального объекта) поршневого научного анализа. Для теоретического осмысления современной ему эпохи Б.Ф. Поршневу недоставало не информации о событиях, не интеллектуальной свободы в их анализе – в первую очередь недоставало самих со-

«Проблемы»
с социализмом

«Недостаток»
событий

бытий. Точнее даже будет сказать в единственном числе: недоставало события – ключевого, критического для сути данной эпохи, а потому и обнаруживающего ее суть. Это событие при жизни Б.Ф. Поршнева еще не успело произойти. О чем тут может идти речь?

Система
«синхронического»
единства
человечества

Из всего предшествующего обзора следует, что для Б.Ф. Поршнева ключом к пониманию любой, в том числе и современной ему эпохи была соответствующая ей система «синхронического» единства человечества, а не система, скажем, партийного руководства развитием одной из стран – СССР. Поэтому «социализм» (в отдельно взятой стране или группе стран) никогда не был объектом его специального анализа; поэтому «капитализм» после Октябрьской революции 1917 года также никогда не был таким объектом. Поэтому едва ли не единственная группа проблем современного Б.Ф. Поршневу мира, анализом которой он занимался, – это противостояние «двух систем» (биполярный мир), а также место в этом противостоянии стран «третьего мира». Эта тема затронута в двух упомянутых выше работах: «Один из представителей американской школы...» и «Периодизация всемирно-исторического прогресса...». Обе работы написаны во второй половине 1960-х. Обе предназначены для международных конференций.

Ситуация станет еще яснее, если вспомнить, что два важнейших «события» современной эпохи все же привлекли внимание Б.Ф. Поршнева. Во-первых, Октябрьская революция, которая в понимании Б.Ф. Поршнева, собственно, и олицетворяла собой ее (современной эпохи) начало. Во-вторых, Великая Отечественная война – как важнейшая составная часть Второй мировой войны. Это второе «событие» стало решающим стимулом для синхронического переосмысления истории, правда, на примере другой войны – Тридцатилетней. Самостоятельным объектом исследования Б.Ф. Поршнева ни то, ни другое «событие» не стало. Учитывая очень важный для Б.Ф. Поршнева методологический принцип «двух инверсий» (гегелевское «отрицание отрицания»), для анализа любого качественного изменения не будет большой натяжкой допустить, что для вычерчивания «диалектического вектора» развития Б.Ф. Поршневу к двум названным событиям недоставало третьего.

«Передний край»
и «периферия»

Понимание современной Б.Ф. Поршневу эпохи должно было опереться, таким образом, на видение дальнейшей эволюции противостояния «двух систем», на представление о некоем грядущем критическом событии, способном существенно изменить систему «син-

хронического единства» человечества. Были ли у Б.Ф. Поршнева гипотезы на этот счет? Похоже, да: судя по отдельным замечаниям, в частности, в названных двух работах, можно предположить, что он связывал искомое критическое событие с приходом к власти в некоторых западных странах коммунистов. В упомянутом докладе «Периодизация всемирно-исторического прогресса...» Б.Ф. Поршневым применяется его концепция взаимоотношений «переднего края» и «периферии» к событиям 1968 года во Франции: *«Положение рабочего класса в высокоразвитых капиталистических странах и острота классового конфликта смягчены ценой голода двух миллиардов людей на земле. В тех капиталистических странах, которые утратили колонии и заметную часть источников внешних прибылей, например, во Франции, хотя положение рабочих еще заметно не ухудшилось, уже раздаются громкие подземные удары социальной борьбы, никем не предвиденные – опередившие развитие научной теории»* [40].

В свою очередь, приход коммунистов к власти в одной из наиболее развитых западных стран неизбежно привел бы к глубоким изменениям и всю биполярную систему синхронического единства мира в целом. Подобные смутные ожидания не были редкостью в 1960–1970-е годы и в них угадывались отзвуки известных рассуждений В.И. Ленина 1918 года о перспективах мировой революции: после победы революции в Германии Россия уступит ей место самой передовой страны мира. Но Б.Ф. Поршневым так и не решился сформулировать эту гипотезу в более или менее отчетливом виде. Надо думать, этому мешали серьезные сомнения в обоснованности своих «западническо-коммунистических» надежд.

Эти надежды и не сбылись, подтвердив тем самым справедливость его сомнений; осторожность Б.Ф. Поршнева при подготовке книги «Докапиталистические способы производства» оказалась оправданной. Но сегодня, в начале XXI века, можно уже совершенно точно сказать, какое именно событие, имеющее решающее значение для понимания современной эпохи, «не успело» произойти при жизни Б.Ф. Поршнева, но позже, почти через 30 лет после его смерти все-таки произошло: крушение так называемого социалистического лагеря и окончание холодной войны. Именно это событие послужило началом фундаментального сдвига – на месте прежней биполярной системы формируется какая-то принципиально новая система синхронического единства человечества. Последнее обстоятельство важно подчеркнуть: в результате крушения «соци-

Формирование
синхронического
единства
человечества

листического лагеря» человечество не вернулось назад, к системе, предшествовавшей «противостоянию двух систем», а двинулось вперед, к чему-то новому. Значит, путь к теоретическому осмыслению эпохи, которую Б.Ф. Поршнев не смог включить в свою теорию исторического процесса, теперь открыт.

Задача эта, правда, очень не простая. Серьезных комплексных научных исследований ни становления послевоенного биполярного противостояния, ни его развития, не говоря уже об окончании холодной войны, до сих пор нет. Существуют лишь работы по истории отдельных стран, написанные, как правило, с позиции оправдания политики СССР или США как лидеров полюсов этого противостояния. Российский историк В.Л. Мальков, ссылаясь на работы Б.Ф. Поршнева, справедливо указал на ключевые аспекты начала холодной войны, без учета которых анализ ее возникновения не может быть признан научным: *«Соединенные Штаты, например, подталкивались “в спину” к усилению напряженности с СССР своими союзниками и клиентами (Англией, Францией, Италией), боявшимися прихода к власти коммунистов... То же самое можно сказать и о СССР. Вспомним Китай, КНДР, Египет, Кубу и т.д. Вывод: даже внешняя политика сверхдержав формировалась, так сказать, коллективно, образно говоря, Белым домом и Кремлем плюс руками тех, кто был связан с ними прямо и опосредованно и, будучи целиком зависим от них, делал державы-созеренны зависимыми от длинного ряда “посторонних” причин и обстоятельств»* [41].

Важнейшая тема в этом отношении – так называемые локальные конфликты эпохи холодной войны, которые обнажают сложное внутреннее устройство каждого из блоков, возглавлявшихся СССР и США, различные роли третьих стран, так или иначе вовлеченных в биполярное противостояние. Значительная часть архивных материалов об этих конфликтах до сих пор засекречена, но и анализ широкого массива открытых данных мог бы дать ценнейшие результаты^{*}.

Обзор поршневских исследований в области синхронического и диахронического единства человеческой истории будет не полон, если не остановиться на еще одной важной теме, лежащей на пересечении син-

На пересечении синхронии и диахронии истории

* В последнее время в России стали появляться публицистические фильмы о таких войнах – например о войне в Анголе, в которой СССР активно участвовал вплоть до 1987 года. Но научных исследований нет.

хронии и диахронии. Приведенное выше поршневецкое диахроническое противопоставление «историка» и «знатока старины» допускает и синхроническую трактовку: даже если историк изучает ход событий какой-либо временной протяженности на ограниченном пространстве (одна или несколько стран), то он должен всегда подразумевать включенность этого пространственного фрагмента в систему связей всей эйкумены в целом: *«как некое предельное понятие горизонтальный срез должен занимать свое место в мышлении историка»* [42]. Тут-то и возникает серьезная проблема: чрезвычайная сложность и многогранность синхронического единства человечества размывает понятие субъекта исторического процесса, необходимого для понимания его (исторического процесса) диахронического единства: *«Историк имеет дело не с отвлеченной чистой формацией, хотя бы и иллюстрируемой классическими примерами капитализма в Англии, феодализма во Франции. Он видит множество стран и примеривает к каждой из них эти части общей философии прогресса. Естественно, что возникают тяжелые коллизии. Формации Маркса, как и эпохи прогресса у Гегеля, имеют масштаб только всемирно-исторический. Они вовсе не призваны поставлять мерки для истории каждой страны, каждого народа, каждого государства. Эта периодизация имеет в виду передний край человечества, выдвинутые вперед рубежи всемирной истории. Так, когда мы говорим “капитализм”, мы отлично знаем, что этот строй никогда не господствовал и не может господствовать во всех странах мира... Когда мы говорим “рабовладельческое общество”, мы знаем, что оно всегда было чем-то вроде архипелага, окруженного целым океаном племен и народов, не имевших и подобия рабовладельческого строя. Когда в Европе царил феодализм, норманны и арабы связывали его с дофеодальными мирами в Азии и Африке»* [43].

Периодизация
всемирно-
исторического
прогресса

Для преодоления этих «тяжелых коллизий» Б.Ф. Поршнев осторожно намечает «направление дальнейшего развития периодизации всемирно-исторического прогресса», то есть диахронии, а именно, указывает на необходимость специальных, прежде всего, экономических исследований в области синхронии: *«...Генеральная задача состоит в том, чтобы исследовать и доказать закономерную, необходимую связь между существованием этого переднего края и этих тылов, в том числе глубоких тылов, на карте мира в каждую данную эпоху – пока передний край представлен любой из классово-антагонистических*

формаций. При такой постановке вопроса недостаточно констатировать неравномерность экономического развития отдельных стран. Нет, должно быть показано, что сам передний край невозможен, немыслим без этой огромной тени, которую он отбрасывает на остальную массу человечества» [44].

Возвращаясь
к «политической
экономии
в широком смысле»

Тут Б.Ф. Поршнев, очевидно, возвращается к проблематике дискуссий конца 1920-х – начала 1930-х годов о «политической экономии в широком смысле» и фактически выделяет три самостоятельные группы исследований в области политической экономии: 1 – теория экономики «переднего края»; 2 – теория экономики «тылов»; 3 – теория экономических отношений «переднего края» и «тылов». Особое внимание – последней группе: «Те, кто ушли вперед, кто находятся на переднем крае, в той или иной мере умиряют и притупляют классовую борьбу у себя, выкачивая из других кое-какие материальные или людские ресурсы. Основной механизм – внешняя торговля. Если для некоего внутреннего бассейна рыночных отношений регулятором является закон трудовой стоимости, а соответственно прибыль при капитализме образуется из прибавочного труда и прибавочной стоимости, то за пределами такого экономического комплекса всегда в истории царила неэквивалентная торговля. У нее свои, противоположные законы, лишь поверхностно затронутые меркантилистами, а с тех пор так и не исследованные» [45].

Б.Ф. Поршнев, разумеется, не забыл, что он-то как раз начал исследование этих «противоположных законов» еще в 1930-е годы в упомянутой выше работе о торговом капитале. И фактически ссылается на некоторые результаты того исследования: «Конкретная картина в историческом прошлом усложнялась тем, что подчас доход извлекался из торговли с относительно развитым партнером, тот в свою очередь компенсировал себя за счет нижестоящих и так по целой цепи шлюзов, террас... Задача теоретической экономии, очевидно, состояла бы и в раздельном исследовании этой необходимой питательной почвы, охватывающей весь мир, при господстве в передовых странах рабства, феодализма или капитализма. Специально для капиталистической эпохи просматривается и возможность создания особой политической экономии колониальной экономики» [46].

В названной работе о торговом капитале Б.Ф. Поршнев, в частности, проанализировал роль торговли, связывающей цепь различных стран и народов с последовательно все более низким уровнем разви-

тия, в эпоху возникновения капитализма [47]. С другой стороны, как уже упоминалось выше, в конце 1960-х годов он прямо указывал на связь всплеска общественных движений в развитых странах того времени, прежде всего во Франции 1968 года, с ликвидацией мировой колониальной системы...

Б.Ф. Поршнев специально подчеркивает, что пока намеченные им экономические исследования не осуществлены, преждевременно утверждать, что понимание человеческой истории как единого целого достигнуто: *«Только когда эта большая экономическая работа будет выполнена, мы увидим мир, теоретически собранный в целое, а не рассыпанный на множество автономных единиц, стоящих на разных уровнях развития. Только на фоне великого антагонизма наиболее передовых и наиболее отсталых народов Земли в каждый данный момент найдет свое объяснение и сам факт дробления человечества в историческое время на многие отдельные страны, образующие сложные системы государств. Взгляд историка сможет тогда читать историю именно как всемирную историю не только во времени, то есть как историю прогресса, но и в пространстве, как историю единого, сложно расчлененного человечества»* [48].

К вопросу «о роли личности в истории»

Борьбу народных масс Б.Ф. Поршнев исследовал и под углом зрения «роли личности в истории» – через отражение «дыхания народа» определенной исторической эпохи в интеллектуальной и общественной деятельности выдающихся исторических фигур. Самым первым таким опытом было большое предисловие к «Литературным воспоминаниям» П.П. Перцова (1933). В этом предисловии Б.Ф. Поршнев рисует картину идейно-политической борьбы в России конца XIX века, в которой участвовал, эволюционируя от народничества к символизму и декадентству, и которую отразил в своих воспоминаниях П.П. Перцов*. Почувствовав вкус к такого рода исследованиям, Б.Ф. Порш-

* В 2000 г. воспоминания П.П. Перцова вышли в Москве новым изданием, естественно, без предисловия Поршнева. В предисловии к книге А.В. Лавров пишет: «Издательство “Academia”, опубликовавшее в 1933 году воспоминания, предпослало тексту Перцова, явно во избежание нареканий за выпуск в свет “ошибочной” книги, “идеологически выдержанное” предисловие Б.Ф. Поршнева (обычная издательская практика тех лет), в котором на тридцати страницах читателю преподносятся “правильные” оценки лиц, фактов и явлений, освещенных мемуаристом лишь в меру собственного разумения».

нев берется за более масштабную фигуру. Сохранились выписки и наброски о А.С. Пушкине, о его отношении к революции, к народным движениям, к европейским событиям начала XIX века [49]. Работа готовилась к 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина (1937), но не была завершена.

К этому же кругу работ надо отнести и два больших исследования – «Эпоха Коперника» (1955) и «Кальвин и кальвинизм» (1958). Последняя работа атеиста и марксиста Б.Ф. Поршнева примечательна тем, что она официально утверждена Учебным комитетом Русской православной церкви в качестве рекомендуемой для учащихся IV курса Московской духовной семинарии по программе «Сравнительное богословие». Как говорил один из героев повести В. Шефнера «Счастливым неудачник»: «Хотя бога, конечно, нет, но пути его неисповедимы»...

Об Иисусе Христе
в серии «Жизнь
замечательных
людей»

В начале 1960-х годов Б.Ф. Поршневым подготовлено исследование о Иисусе Назарянине, его соратниках и его времени, о собирании разрозненных христианских сект в единую церковь после поражения великого иудейского восстания Бар-Кохбы (132 – 135 гг.) – «Некоторые вопросы возникновения христианства» [50]. Работа должна была появиться в журнале «Наука и религия» в 1964 году, но так и не была опубликована. По воспоминаниям И.З. Тираспольской*, в 1971 или в 1972 году Б.Ф. Поршневым сообщено ей о том, что подал в издательство «Молодая гвардия» заявку на книгу об Иисусе Христе – для серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ). По всей видимости, Б.Ф. Поршневым собирался доработать статью, написанную в начале 1960-х годов. Впрочем, издание в серии ЖЗЛ книги о Христе в то время было бы чудом – такой проект не мог не вызвать сопротивления как со стороны ЦК КПСС, так и со стороны Русской православной церкви: первому вряд ли понравилось бы рядом с именем Христа слово «замечательный», второй – слово «людей»...

Обращение
к великим
«утопистам»

Продолжая традицию своего учителя В.П. Волгина, Б.Ф. Поршневым занимается исследованиями жизни и общественной деятельности великих «утопистов». В сентябре 1955 года он делает доклад на X Международном конгрессе историков в Риме: «Жан Мелье и народные истоки его мировоззрения». Книга Б.Ф. Поршнева «Мелье» (1964) становится первой в мировой ли-

* Устное сообщение г-жи И.З. Тираспольской автору настоящей статьи (январь 2005 г.).

тературе монографией об этом знаменитом «священнике, отрекшемся от веры». Следует отметить и работу «Мелье, Морелли, Дешан», вышедшую одновременно на русском и французском языках в 1970 году. В этой работе Б.Ф. Поршнева обосновывает гипотезу, согласно которой за разными именами «Морелли» и «Дешан» фактически скрывается одна реальная историческая личность*. Впрочем, мне не известен ни один профессиональный историк, разделяющий эту гипотезу Б.Ф. Поршнева...

«В масштабе индивидуальной жизни»

Последним опытом Б.Ф. Поршнева о «роли личности в истории» стал раздел одной из глав его книги «Франция, Английская революция...», названный «В масштабе индивидуальной жизни». Внимание Б.Ф. Поршнева привлекла жизнь и деятельность Жака Русселя – сына купца, ставшего «купцом» от международной политики, частнопрактикующим дипломатом, в котором, по словам Б.Ф. Поршнева, «удивительно воплотился дух времени»: *«Для моей цели он удобен как космополит, который на наших глазах соединит своим зигзагом Францию, Польшу, Савойю, Мантую, Венецию, Трансильванию, Турцию, Московию, Швецию, Германию, Голландию. Впрочем, диапазон его связей еще шире – от Англии до Персии... Он не принадлежал ни к царствующим домам, ни к высоким государственным функционерам. Он сам себя создал и выдвинул на гребне важных тенденций в области истории вероисповеданий, политики и торговли своего времени. Он связывал церкви, государства и рынки. Он потерпел крушение вместе с крушением соответствующих исторических тенденций»* [53].

Признание мастерства историка

В 1968 году, оценивая значение «исторического этапа» своего творчества, Б.Ф. Поршнева писал: *«Долгим трудом я достиг признанного мастерства историка: центр – история XVII века, широкий контур – исторические судьбы «срединной формации», феодализма, еще более широкий – сам феномен челове-*

* С гипотезой Б.Ф. Поршнева об идентичности Морелли и Дешана связано одно недоразумение. Несколько лет назад А.В. Гордон, знавший Б.Ф. Поршнева лично, поделился устными воспоминаниями о нем и о его ученике Г.С. Кучеренко с А.В. Гладышевым, записавшим эти воспоминания. В этом устном интервью А.В. Гордон, видимо, оговорившись, сказал о Б.Ф. Поршневе: «Пришло ему в голову, что Морелли – это на самом деле Дидро». В 2002 году эта ошибка была воспроизведена в опубликованных воспоминаниях А.В. Гладышева о Г.С. Кучеренко [51]; в 2003 году, ту же ошибку повторяют в своей книге С. и Т. Кондратьевы [52].

ческой истории от ее инициации до сегодня. Все это – закалка, прежде чем вернуться в психологию. И все это время я много читал по психологии и физиологии, чтобы никак не отстать от их поступи. И сохранить навык мыслить биологически» [54].

Разумеется, признание «мастерства» историка Б.Ф. Поршнева среди коллег по цеху исторической науки не было ни абсолютным, ни всеобщим. В 1970 году Институт истории АН СССР представляет «на соискание премии им. В.П. Волгина... цикл работ 1955 – 1970 годов о Жане Мелье, написанных Б.Ф. Поршневым или под его руководством сотрудником и учеником Г.С. Кучеренко» [55]. Премия присуждена не была, и в 1974 году институт повторно выдвигает Б.Ф. Поршнева на ее соискание – теперь за книгу «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.» [56]. И вновь присуждение премии им. В.П. Волгина не состоялось...

(Продолжение следует)

1. *Поршнев Б.Ф.* [Торговый капитал в докапиталистической истории]. Рукопись (машинка), ОР РГБ, 684/19/4, л. 1–97, 120–147.

2. *Поршнев Б.Ф.* Противоречия доклассового общества (тезисы доклада). Рукопись (автограф), ОР РГБ, 684/19/4, л. 100–101.

3. ОР РГБ, 684/19/4, л. 98–118, 148–151 и др.

4. *Рейхардт В.В.* Очерки по экономике докапиталистических формаций. М.; Л., 1934.

5. *Поршнев Б.Ф.* Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества) // История и психология. М., 1971. С. 18; ср.: *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. 2-е изд. М., 1979. С. 122.

6. *Гуревич А.Я.* История историка. М., 2004. С. 35.

7. Подробнее об этой двухэтапной дискуссии см.: *Алпатов В.М.* Марр, марризм и сталинизм // Философские исследования. 1993. № 4.

8. *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993. С. 86.

9. *Кондратьев С., Кондратьева Т.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е – начало 50-х гг. XX века). Тюмень, 2003. С. 190–237.

10. Там же. С. 194.

11. *Гутнова Е.В.* Пережитое. М., 2001. С. 267.

12. Там же. С. 267–268.
13. Цит. по: *Кондратьев С., Кондратьева Т.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е – начало 50-х гг. XX века). Тюмень, 2003. С. 195.
14. *Гуревич А.Я.* История историка. М., 2004. С. 38.
15. Там же. С. 40.
16. *Ярецкий Ю.Л. Б.Ф. Поршнев.* Очерк творческой биографии. Уссурийск, 1983. С. 19 (рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР, № 13303).
17. *Кондратьев С., Кондратьева Т.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е – начало 50-х гг. XX века). Тюмень, 2003. С. 209.
18. См.: *Кондратьев С., Кондратьева Т.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е – начало 50-х гг. XX века). Тюмень, 2003. С. 213.
19. *Поршнева Е.Б.* Реальность воображения (записки об отце). Рукопись.
20. *Кондратьев С., Кондратьева Т.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е – начало 50-х гг. XX века). Тюмень, 2003. С. 215.
21. *Поршнев Б.Ф.* Роль борьбы народных масс в истории феодального общества. Рукопись (машинка), ОР РГБ, 684/21/1.
22. *Поршнев Б.Ф.* Экономика и классовая борьба в эпоху феодализма (ответ акад. Е.А. Косминскому). Рукопись (машинка), ОР РГБ, 684/20/2.
23. *Поршнев Б.Ф.* Против «горе-марксизма» в крестьянском вопросе. Рукопись (машинка), ОР РГБ, 684/20/4.
24. См.: *Гюрджан Н.Н.* Теоретические конференции по проблеме феодальной собственности // Вопросы истории. М., 1953. № 4. С. 137.
25. *Поршнев Б.Ф.* Письмо в редакцию // Вопросы истории. М., 1953. № 4. С. 142.
26. Там же. С. 139.
27. Там же. С. 140.
28. Там же.
29. Там же.
30. См.: ОР РГБ, 684/19/1, л. 5.
31. См.: ОР РГБ, 684/19/1, л. 6.
32. См.: ОР РГБ, 684/19/7, л. 1.
33. *Гуревич А.Я.* История историка. М., 2004. С. 26.
34. *Вите О.Т.* Творческое наследие Б.Ф. Поршнева и его современное значение. <http://www.russ.ru/>

univer/biblio; см. также несколько сокращенный вариант этой работы: *Вите О.Т.* Б.Ф. Поршнев: опыт создания синтетической науки об общественном человеке и человеческом обществе // *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз.* М., 1998. № 3 (9).

35. *Кондратьев С., Кондратьева Т.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е – начало 50-х гг. XX века). Тюмень, 2003. С. 19.

36. *Там же.* С. 203.

37. См.: ОР РГБ, 684/19/1, л. 1.

38. См., например: *Поршнева Е.Б.* Реальность воображения (записки об отце).

39. Подробнее об этом см.: *Вите О.Т.* Б.Ф. Поршнев: опыт создания синтетической науки об общественном человеке и человеческом обществе // *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз.* М., 1998. № 3(9). С. 154–157, 161–163 и др.; *Вите О.Т.* Творческое наследие Б.Ф. Поршнева и его современное значение. <http://www.russ.ru/univer/biblio>.

40. *Поршнев Б.Ф.* Периодизация всемирно-исторического прогресса у Гегеля и Маркса: Доклад, представленный к Международному Гегелевскому конгрессу (Париж, апрель 1969) // *Философские науки.* 1969. № 2. С. 64.

41. *Мальков В.Л.* Так мыслима ли история одной страны? / *Мир истории.* Российский электронный журнал. 1999. № 2.

42. *Поршнев Б.Ф.* Мыслима ли история одной страны? // *Историческая наука и некоторые проблемы современности.* Статьи и обсуждения. М., 1969. С. 312.

43. *Поршнев Б.Ф.* Периодизация всемирно-исторического прогресса у Гегеля и Маркса: Доклад, представленный к Международному Гегелевскому конгрессу (Париж, апрель 1969) // *Философские науки.* М., 1969. № 2. С. 63.

44. *Там же.*

45. *Там же.*

46. *Там же.*

47. См.: *Поршнев Б.Ф.* [Торговый капитал в докапиталистической истории]. Глава 5. Превращение торгового капитала в промышленный капитализм. Рукопись (машинка), ОР РГБ, 684/19/4, л. 65–76.

48. *Поршнев Б.Ф.* Периодизация всемирно-исторического прогресса у Гегеля и Маркса: Доклад, представленный к Международному Гегелевскому конгрессу (Париж, апрель 1969) // *Философские науки.* М., 1969. № 2. С. 64.

49. См.: ОР РГБ, 684/27/12; 684/27/13.
50. *Поршнев Б.Ф.* Некоторые вопросы возникновения христианства (вопросы датировки и исторических условий возникновения новозаветной литературы). Рукопись (машинка), ОР РГБ, 684/27/4.
51. *Гладышев А.В.* Г.С. Кучеренко: штрихи биографии // Французский ежегодник. 2002. М., 2002. С. 187.
52. *Кондратьев С., Кондратьева Т.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е – начало 50-х гг. XX века). Тюмень, 2003. С. 183.
53. *Поршнев Б.Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970. С. 340.
54. *Поршнев Б.Ф.* Борьба за троглодитов // Простор. Алма-Ата, 1968. № 7. С. 124.
55. См.: ОР РГБ, 684/7/2, л. 1; см. также: *Оболенская С.В.* В секторе истории Франции // Французский ежегодник. 1970. М., 1972. С. 320.
56. См.: *Денисова Н.Д.* В секторе истории Франции // Французский ежегодник. 1974. М., 1976. С. 332.